

УДК 81'1:81-26-112:82'0
DOI: 10.36979/1694-500X-2024-24-10-49-54

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ВЗГЛЯДОВ А.С. ПУШКИНА НА ЯЗЫК

А.Э. Гатина

Аннотация. В статье отправной точкой служит идея о том, что модель языка, общий взгляд на язык становятся основой для выработки новых методов исследования и описания языка. Исходя из этого проводится обзор разных исследовательских оценок того, как А.С. Пушкин видел развитие русского языка, какова модель языка в представлении поэта-реформатора, что нашло отражение в собственной работе поэта над языком, в его критических заметках, письмах, художественном лексиконе, в построении произведений и строе художественной речи. Рассматриваются трактовки филологов Г.О. Винокура, Б.В. Томашевского, В.В. Виноградова, которые выделили в модели языка Пушкина сближение с народной простотой слога, минимизацию "украшательств" поэтической речи, разрушение жёсткого разделения языка поэзии и языка прозы, прозаизацию лирического текста, устранение жёстких границ соответствия между стилем и жанром текста.

Ключевые слова: динамизм языка; модель языка; индивидуальные стили; история литературного языка; русское художественное слово; стиль языка; творческий метод; старый и новый стили; язык Пушкина.

А.С. ПУШКИНДИН ТИЛГЕ КАРАТА ЛИНГВИСТИКАЛЫК КӨЗ КАРАШЫНЫН ЧЕЧМЕЛӨӨСҮ

А.Э. Гатина

Аннотация. Бул макалада тилдин модели, тилге болгон жалпы көз караш тилди изилдөөнүн жана сүрөттөөнүн жаңы ыкмаларын иштеп чыгууга негиз болуп саналат деген ой, идея негизи, башталышы болуп саналат. Ушундан улам, А.С. Пушкиндин орус тилин өнүктүрүү боюнча көз караштарын, акын-реформатордун тилдин модели кандай болгонун, өзүнүн тили боюнча ишинде, сын жазмаларында, каттарында, көркөм лексиконунда, чыгармаларынын түзүлүшүндө жана көркөм сөзүндө чагылдырылганын, изилдөөчүлөрдүн ар кандай баалоолору боюнча чечмелөө жүргүзүлөт. Макалада филологдор Г.О. Винокур, Б.В. Томашевский, В.В. Виноградовдун Пушкиндин тил моделиндеги элдик жөнөкөйлүккө жакындашууну, поэтикалык сөздүн "кооздуктарынын" минималдашуусун, поэзия тили менен проза тилинин өзгөчө бөлүнүшүнүн бузулушун, лирикалык тексттин прозалануусун, стиль менен тексттин жанрынын ортосундагы катуу чектөөлөрдүн жок кылынышын бөлүп көрсөтүү боюнча түшүндүрмөлөрү каралат.

Түйүндүү сөздөр: тилдин динамикасы; тилдин модели; индивидуалдуу стилдер; адабий тилдин тарыхы; орус көркөм сөзү; тил стили; чыгармачылык метод; эски жана жаңы стилдер; Пушкиндин тили.

LINGUISTIC INTERPRETATION OF A.S. PUSHKIN'S VIEWS ON THE LANGUAGE

A.E. Gatina

Abstract. The starting point of the article is the idea that the model of language and the general perspective on language form the basis for developing new methods of researching and describing language. Based on this, the article reviews various scholarly assessments of how A.S. Pushkin viewed the development of the Russian language, the language model as envisioned by the poet-reformer, and how this was reflected in Pushkin's own work on language, his critical notes, letters, artistic lexicon, the construction of his works and the structure of his artistic speech. The article examines the interpretations of philologists G.O. Vinokur, B.V. Tomashevsky, and V.V. Vinogradov, who highlighted the convergence with the simplicity of folk speech, the minimization of "embellishments" in poetic language, the breakdown of the rigid separation between the language of poetry and the language of prose, the prose-ization of lyrical texts, and the removal of strict boundaries between the style and the genre of the text in Pushkin's language model.

Keywords: dynamism of language; language model; individual styles; history of literary language; Russian artistic word; language style; creative method; old and new styles; Pushkin's language.

В лингвистике важную роль играет определение общего видения того, что представляет собой язык как объект исследования. Именно этот общий взгляд на язык становится основой для выработки новых методов исследования и описания языка.

Представитель функциональной лингвистики профессор МГУ М.В. Всеволодова предложила в исследовательских целях такое определение модели языка: это “существующее в сознании исследователя представление о языке в целом или о конкретном языке как целостной, тем или иным образом структурированной системе со всеми её специфическими характеристиками, выработавшееся у него в процессе лингвистических исследований и практики применения результатов этих исследований как в теоретических, так и в практических целях (даже если сам исследователь к этому понятию не прибегает)” [1, с. 24].

Пушкинское представление о языке раскрывается, во-первых, в его критических размышлениях (статьях и письмах): о Жуковском, Языкове, Вяземском, Кюхельбекере и др., где он высказывает своё понимание теории стиля Ломоносова, “нового слога” Карамзина, даёт оценку классическому (одическому) и романтическому (элегическому) стихосложению, характеризует соотношение церковнославянской и русской лексики в текстах современников, разъясняет своё отношение к изысканной (салонной) и простонародной разговорной речи в контексте произведения и т. д. В то же время свою модель языка Пушкин воплощает в собственной художественной поэтической, писательской работе.

Б.В. Томашевский, пушкинист, отмечает: “В общее понятие художественного мастерства поэта включается как один из основных элементов его **работа над языком**... С другой стороны, *обработка языка* никогда не являлась для Пушкина автономной областью поисков, а всегда связывалась с *потребностями и судьбами литературы*, и даже более – *национальной русской культуры во всей её широте*” [2].

Самая важная оценка пушкинского понимания того, как должен развиваться язык, отобразилась в создании лингвистами XX века фундаментального труда – 4-томного “Словаря языка Пушкина” [3]. Один из вдохновителей создания словаря и руководитель группы составителей был Г.О. Винокур. Он придавал первостепенное

познавательно-методологическое и общественно-культурное значение языку писателя и отмечал, что “предметом словарной обработки служит не что иное, как язык Пушкина, в прямом значении этого понятия, т. е. *факты русского языка, засвидетельствованные произведениями Пушкина*... Первая цель “Словаря языка Пушкина” – служить пособием для углубленного научного изучения *истории русского литературного языка в тех его фактах, которые отразились в текстах произведений Пушкина*” [4, с. 297].

Другими словами, свод лексики Пушкина отражает **этап в развитии языка** таким, каким его представлял себе поэт и прозаик. Г.О. Винокур подчёркивал, что “собственно лингвистика, если она и имеет предмет своего изучения *язык поэтический*, то может рассматривать его лишь на фоне и во *взаимовлиянии с языком литературным, а также национальным*”. Следовательно, словарь призван отразить язык Пушкина как **носителя и творца** этого языка и как язык “**поэта-реформатора**, кардинально изменившего стилистику художественной речи” в контексте сменяемости “*общенормативных установок литературного языка*” [4, с. 297].

Б.В. Томашевский, анализируя реформаторскую деятельность А.С. Пушкина в отношении русского литературного языка, отмечает: “*Зрелый Пушкин дал новое решение стилистической задачи, в своих принципиальных основах сохранившее свою силу и до сего дня*” [2].

“Направление, в котором Пушкин намечает необходимость развития и обогащения языка, сводится главным образом к тому, чтобы **сделать литературный язык удобным и гибким орудием мысли, придать ему точность и предельную ясность**, которая не уступала бы ясности и точности французского языка...”¹ [2].

¹ “Требование точности выражения – первое требование, предъявляемое Пушкиным к слогу”, – говорит Томашевский [2, с. 520]. Язык не самоцель, а средство. Развитие языка в этом направлении он рассматривал как необходимое следствие того, что наша литература явится выразительницей более широких идей, нежели те, которые в ней господствовали, призывал русских писателей обратиться к вопросам учёности, политики и философии. Он признавал, что в поэзии (“блестящие игры воображения”) язык уже достаточно обработан. Поэтому для разрешения очередных задач необходимо обратиться к прозе.

Сам А.С. Пушкин так объясняет: “Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует **мыслей и мыслей**; без них блестящие выражения ни к чему не служат. Стихи – дело другое (впрочем, в них не мешало бы нашим поэтам иметь **сумму идей гораздо позначительнее**, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперёд не подвинется)” [2].

Не раз Томашевский отметит эту мысль, что “...именно в прозе он / Пушкин искал разрешения основных вопросов русского литературного языка” [2].

“Причинами, замедлившими ход нашей словесности, – продолжает в своих рассуждениях А.С. Пушкин, – обыкновенно почитаются: 1) общее употребление французского языка и *пренебрежение русского...* просвещение века требует *важных предметов размышления* для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но учёность, политика и философия ещё по-русски не изъяснялись – метафизического языка у нас вовсе не существует: **проза наша так ещё мало обработана**, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных...” [2].

Пушкин ясно осознаёт потребность обновления языка и озвучивает *свою модель языка*: “В зрелой словесности, – говорит поэт/ А.С. Пушкин, – приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом **языка условного**, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному **просторечию, сначала презренному...** Мы не только ещё *не подумали прилизать поэтический слог к благородной простоте, но прозе стараемся придавать напыщенность, поэзию же, освобождаемую от условных украшений стихотворства, мы ещё не понимаем*” [2].

Пушкинский образ языка заключается в том, что и **в поэзии, и в прозе** должны быть простота и точность выражения мысли, не затуманенной условностями изящной словесности в изображении описываемой действительности, должны присутствовать свобода и простота, близкие к народному выражению значений.

Соответственно, язык художественной литературы выступает как образец не просто эмоциональной, возвышенной и изящной речи, но содержащей идею, мысль, передающей диалектику реальных психологических переживаний, что более всего поддаётся выражению в прозе.

В предисловии к “Словарю языка Пушкина” В.В. Виноградов даёт общую оценку работе писателя/Пушкина над языком: “Историческая заслуга Пушкина заключается в том, что силой своего творческого гения он мощно содействовал **развёртыванию и совершенствованию элементов общенародного, национального русского языка**. Пушкин обогатил язык русской художественной литературы новыми приёмами стилистического использования народной речи, народной поэзии, новыми правилами стилистического сочетания и объединения разных элементов национального языка” [5].

Пушкин первый показал, **как следует пользоваться речевым материалом народа**, как надо обрабатывать его, как народный, “сырой” язык делать литературным [5].

Результат этой творческой работы художника/Пушкина над языком оценивается так: “Сама структура общерусского национального языка в её живых продуктивных формах и в её устойчивых литературных нормах впервые **получила своё наглядное, концентрированное и полное выражение в языке Пушкина**” [5].

Это отобразилось в том, как Пушкин строит свой текст, как отбирает материал, каким содержанием наполняет единицы в контексте, – словом, через всё это прослеживается модель языка А.С. Пушкина, его понимания того, что есть современный русский язык.

Поэт А.С. Пушкин раздвигает границы слова, смещает границы между стилями и жанрами, вносит живость и свободу в художественную речь как образец **своего нового понимания языка**.

Г.О. Винокур подчёркивал, что все изменения, которые вносил Пушкин в художественную речь, надо оценивать в исторической перспективе развития национального литературного языка. Очевидно, что поэт не отрицал кардинально использование церковнославянских или разговорных слов в литературе. Но ему претила

традиция замкнутости языковых средств внутри жанровых систем, сковывающая возможности живой передачи мысли в художественном воплощении.

Учёный так комментирует: “Высокий слог означал полное однообразие языка в трагедии в качестве совершенно твёрдой, условной нормы, непосредственно прикреплённой к самому жанру трагедии” [6]. Но Пушкин сломал традицию соотношения стилевой и жанровой иерархии, полностью изменил драматический язык.

«Борис Годунов» Пушкина, – указывает Винокур, – был первой русской трагедией, в которой декламация перестаёт быть основным и главенствующим принципом драматического языка» [6].

Г.О. Винокур обращает внимание на строй пушкинской драматической речи: “... переходы от слов одного действующего лица к словам другого являются не столько намеренным, сколько произвольным внешним выражением чисто смыслового, а не декламационного принципа сочетания реплик. А именно: вопросы, ответы, восклицания, возражения, приказания и прочие формы реагирования на речь собеседника в “Борисе Годунове” имеют реальную предметную опору в содержании речи. Отсюда обилие специфически разговорных оборотов и интонаций ... вступающих в сочетание с разнообразными лексическими элементами (архаическими, лирическими, фольклорными), образующими материальную ткань языка пушкинской трагедии” [6].

Например,

“*Полно, точно ль | Царевича сгубил Борис?*” – “*А кто же?*” – “*Нечисто, князь*”. – “*А что мне было делать?*” и т. д.

О чём там плачут? // А как нам знать? то ведают бояре, Не нам чета. // Ну, что ж? как надо плакать, / Так и затих! вот я тебя! вот бука! Плачь, баловень! / Ну, то-то же. / Все плачут, / Заплачем, брат, и мы // [7].

И хотя отрицание единства слога и ввод просторечного, “площадного” слога, чередование поэтического и прозаического изложения идут от В. Шекспира, но в русской драматургии, как подчёркивает Г.О. Винокур, эти стилистические критерии были совершенно новым словом [6, с. 101].

Б.В. Томашевский, в свою очередь, замечает, что направление, в котором Пушкин работает над художественной речью, – это отказ от “условных украшений” в поэзии... что сближает поэзию с просторечием, делает её народной, стирает границы между языком стихов и языком прозы. Смещение границ использования слова придаёт высокой или просторечной лексике нейтральный статус в контексте произведения [2].

И, действительно, если рассмотреть, например, самое известное стихотворение А.С. Пушкина “**19 октября**” (*Октябрь уж наступил...1833 г.*), то наблюдаем в нём лишь вкрапления высокой и перифрастической лексики (например: *осенний хлад, яркий свет лиёт, с Армидами младыми, обув железом острым ноги, чредой слетает сон, дремлет недвижим корабль*) [8, с. 407].

При этом с первых слов встречаем свободные сочетания нейтральной лексики с повседневными и просторечными словами:

Октябрь уж наступил – уж роца отряхает (простореч.)

Последние листья с нагих своих ветвей;

*сосед мой **поспешает*** (разг. снижен)

В отъезжие поля с охотою своей,

*Скучна мне оттепель; **вонь, грязь** – весной я болен;*

Но надо знать и честь; полгода снег да снег,

***киснуть у печей** за стёклами двойными*

таков мой организм... [8, с. 407].

Мы наблюдаем и признаки прозы в данном стихотворном тексте – это повествовательность, нарратив (сообщение о событиях с помощью глагольных конструкций). Сравним:

***Ведут ко мне коня;** в раздолии открытом,*

Махая гривую, он всадника несёт,

И звонко под его блистающим копытом

Звенит промерзлый дол и трескается лёд.

*Но **гаснет краткий день,** и в камельке забытом*

***Огонь опять горит** – то яркий свет лиёт,*

*То **тлеет** медленно – а я пред ним читаю*

Иль думы долгие в душе моей питаю.

Каждая строка практически равна предложению, выполняющему функцию сообщения, и создаёт повествование о событиях (то есть формирует информативный регистр текста), а не описание переживаний и чувств. Однако даже если высказывание (стих в строфе) сообщает о чувствах, то функция этого высказывания информативная, нарративная, благодаря глагольной лексике и другим предикатам, которые использованы в форме настоящего неактуального / узувального времени. Ср.:

*И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русской холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят – я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн – таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).*

Кроме разговорной и просторечной лексики, сближающей поэзию с прозой, прозаизация речи в стихотворении достигается особой строфикой. Как отмечает Б. Томашевский, “стих конкретен, и только в конкретном осуществлении живёт ритм”. А.С. Пушкин ритмически использует в стихе характерную паузу, которая разделяет конкретные строки стихотворения на синтагмы, маркирующие конец предложения. Паузация и синтагматическое членение (деление строки смысловыми паузами) в строфе совпадают с границами предложения по смыслу. Сравним:

*Октябрь уж наступил – уж роца отряхает
Последние листья с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает.
**Журча, ещё бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.***

*Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
**Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь;** как поля, мы страждем
от засухи;
Лишь как бы напоить, да освежить себя –
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы-ста-
рухи,*

*И, проводив её блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.*

*И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русской холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
**Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят** – я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн – таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм) [8].*

В приведённых строфах наблюдаем перенос конца выделенной фразы на следующую строку; смысловая пауза разделяет строку как граница поворота мысли: новый субъект (*пруд – сосед; ты – мы; желанья – я*) и изменение контекста (*пейзаж – деятель; природа – люди; описание состояния субъекта – обобщающая оценка состояния субъекта*). Такой контрастный переход в середине строфы сбивает ритмическую равномерность строфы, придавая ей сходство с прозаическим повествованием (где, как правило, ритмический строй зависит от интонационно-смыслового членения фразы и не отличается строгим повторением и однообразием синтагматических единств).

Таким образом, модель языка А.С. Пушкина, по рассуждениям исследователей (Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Б.В. Томашевского), складывается из представлений поэта о необходимости уйти от единства слога, потребности в расширении стилистического разнообразия лексики и стилистической индивидуальности речи в соответствии с контекстом речи, о необходимости устранения жёстких границ соответствия между стилем и жанром текста. Кроме того, в пушкинском образе современного русского языка отражаются минимизация “украшательства” поэтической (элегической) речи, сближение с народной простотой слога, необходимость исторической содержательности лирического текста, в целом изменение строя художественной речи, а именно: разрушение жёсткого деления языка поэзии и языка прозы, прозаизация лирического текста, отход от декламации в языке драматического текста.

Поступила: 01.07.24; рецензирована: 15.07.24;
принята: 17.07.24.

Литература

1. *Всеволодова М.В.* К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере пространственных, временных и причинных отношений) / М.В. Всеволодова // Вестник МУ. Сер. 9. Филология. 2005. № 1.
2. *Томашевский Б.В.* Вопросы языка в творчестве Пушкина // Томашевский Б.В. Пушкин: Работы разных лет. М.: Книга, 1990. С. 484–569.
3. Словарь языка Пушкина. URL: <https://www.pushkin-digital.ru>; <https://www.pushkin-digital.ru/node/453> (дата обращения: 05.06.2024).
4. *Винокур Г.О.* Пушкин и русский язык // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 189–206. URL: <https://danefae.org/lib/vinokur/1959/riyu.htm> (дата обращения: 05.06.2024).
5. *Виноградов В.В.* Предисловие // Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 1: А-Ж / В.В. Виноградов. М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1956. С. 5–10.
6. *Винокур Г.О.* О языке “Бориса Годунова” // Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М.: ВШ, 1991. С. 194–222.
7. *Пушкин А.С.* Борис Годунов // Пушкин А.С. Драматургия. Проза. М.: Правда, 1981. С. 21–102.
8. *Пушкин А.С.* Соч.: в 3 т. Т. 1: Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила (поэма) / А.С. Пушкин. М.: Художественная литература, 1985.